

Сан-Антонио

Причесывая жирафу

Сан-Антонио
Причесывая жирафу
Серия «Сан-Антонио», книга 52

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124144

Оригинал: "En peignant la girafe"

Перевод:

Олег Колесников

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сан-Антонио

Причесывая жирафу

Глава 1

– Дамы и господа, примат, которого вы здесь видите, вопреки всякой очевидности, не обезьяна. Разве обезьяны разговаривают? Нет, дамы и господа! А это странное существо говорит, и мы представим вам доказательство этого.

– Послушай, – сказал я, обращаясь к мохнатому существу, сидящему посредине площадки, – скажи несколько слов нашей дорогой публике.

Огромное существо, бородатое, толстокожее, с длинными волосами на затылке и с голой верхушкой черепа, с налитыми кровью глазами, с толстыми губами, с испорченными и вставными зубами, с мощными мускулами, огромным животом и тяжелыми веками, – это существо подняло голову и сказала:

– Какая сегодня забавная публика!

Совершенно необъяснимая, эта не слишком умная фраза вызвала бурю аплодисментов.

Тогда чудовище подняло тяжелую, покрытую вьющимися волосами голову.

– Все в порядке, парни! – заявило оно. – Не надо прово-

дить манифестации в публичном месте. Не забывайте, что мы находимся посредине площади, и, если поднимется купол, вас обрызгает свет звезд!

Снова гром аплодисментов.

— Однако то, что он говорит, — верно, — заметила одна дама, сидящая внизу.

Она оказалась итальянкой.

Я вмешался:

— Безусловно, мадам, этот индивидуум говорит как любой из нас. И он думает. Он умеет считать! Хотите доказательства?

Я нагнулся к монстру:

— Сколько будет пятью шесть, джентльмен?

Его брови нахмурились, а взгляд помрачнел.

— Двадцать девять! — наконец ответил он.

— Вы немного недосчитались, джентльмен. Это будет тридцать!

— А удержание в пользу фирмы, дружок? — заметил прижат. — Ты это будешь выкладывать из своего кармана?

Смех среди публики.

— Вы можете убедиться, дамы и господа, что этот джентльмен не лишен чувства юмора. Вывод: это действительно человек.

— Если у какой-нибудь красотки есть сомнения на этот счет, — заявил монстр, — она может прийти ко мне в фургон после представления, и я совершенно бесплатно докажу ей,

что я мужчина.

Снова бурные аплодисменты.

Я поднял обе руки в положение «я вас понял».

– Леди и джентльмены! – продолжал я. – Если я заостряю ваше внимание на том, что присутствующий здесь индивидуум – самый настоящий мужчина, настоящего телосложения, то это лишь потому, и вы сами убедитесь в этом, что его поведение и поступки в еще большей степени, чем его внешность, могут заставить вас сомневаться в этом.

Этого мужчину зовут Беру. Ему сорок лет, и его родители были совершенно нормальными людьми. Его отец был сельским полицейским, мать сиделкой. Его младший брат работает в береговой охране, а он, дамы и господа, – кладезь! В первый раз в жизни вы будете присутствовать при совершенно уникальном номере – булимии. А точнее так: присутствующий здесь Беру способен проглотить все что угодно, за исключением металлических предметов. При этом, когда я говорю о металле, я делаю исключение для ртути, которая в соединении с любым вином – особенно «Божоле» – является его весьма любимым напитком. Ртуть для него – настоящее лакомство, и он каждое воскресенье ломает дюжину градусников и поглощает из них ртуть для возбуждения аппетита.

Он держит рекорд Европы по булимии всех категорий сидячего положения с тех пор, как один раз проглотил: тридцать две дюжины устриц вместе с раковинами, два женских зонтика, шляпу кюре, пластинку Жана Клода Паскаля, француз-

ско-русский словарь, очки авиатора, тачку навоза, две восковые свечи, шестьдохлых крыс, три горшка хризантем и фотографию Бриджит Бордо!

Я перевел дыхание, в то время как публика бушевала. Толстяк скромно кланялся. Я прочистил горло:

– Особ, желающих предложить феномену предметы для поглощения, просят спуститься на площадку. Месье Беру голоден. Дамы и господа, ведь он ничего не ел в течение двадцати минут! Это значит, что то, что вы предложите ему, будет с радостью принято.

Я вытер мокрый от пота лоб и ободряюще посмотрел на зрителей.

Они шепотом совещались.

Наконец, один из зрителей отважился и протянул что-то вроде миниатюрной лопатки.

– А что это такое? – спросил я, разглядывая предмет.

– Шадела, – ответил проявивший инициативу. Я по-прежнему ничего не понял, хотя меня считают очень образованным для моего возраста.

– А что вы называете шаделой, дорогой месье?

– Это печенье Боржуана.

Я вам не сказал, что в этот вечер наш цирк давал представление в Боржуане (департамент в Ивер), на полдороге между Лионом и Греноблем, и что толстяк и я в первый раз предстали перед публикой.

Его Величество проглотил печенье в два глотка. Зрители

аплодировали слабо, так как не находили в этом ничего особенного. Они сами в юном возрасте проделывали то же самое.

– Это безделица! – сказал я. – Ну же, дамы и господа, немного воображения, пожалуйста! Булимик в нетерпении. Если вы не успокоите его аппетит, он начнет пожирать центральную мачту, и купол цирка обвалится на вашу голову!

Подошел молодой человек, развязывая на ходу галстук. Не говоря ни слова, он протянул его Ненасытному.

Беру жадно схватил его.

– Очаровательно, – сказал он. – Он полосатый, а я такие обожаю.

Он с аппетитом съел галстук, в то время как в рядах зрители дрожали от восторга.

Я бросил взгляд на кулисы. Среди людей, обслуживающих арену, я заметил крепкую фигуру месье Барнаби, директора цирка.

Он был одет в большой фланелевый костюм и огромную ковбойскую шляпу. У него были вьющиеся бакенбарды и большой, заросший шерстью нос. Он курил сигару лишь немногим короче Вандомской колонны. Этот вечер был испытательным: если номер пойдет, он нас оставит у себя, если же мы провалимся, то можем рассчитывать на его прощальный поклон. Вот почему толстяк должен был сделать все возможное для нашего успеха.

Разделавшись с галстуком, он затем уничтожил горшок с

цветами под овации публики.

– Вот это называется немного закусить после галстука! – бросил я.

Один тип, несколько жирноватый, подошел со своей каскеткой. Беру осмотрел ее.

– Она, кажется, как раз в меру жирная, – сказал он. Он вцепился в нее крепкими зубами. Но это – лишь манера выражаться, так как его «универсальная молотилка» была более похожа на старый гребень, чем на колье из жемчуга.

Я остановил его на втором закусе.

– Спасибо, джентльмены! – сказал я. – Демонстрация замечательная.

– Я хочу закончить козырек, – запротестовал Беру, – я обожаю его хруст.

Теперь публика заторопилась, неся разные штуки. Маленький старичок принес свою палку, одна дама фотографию своей свекрови, ребенок протянул программу вечера, а старая англичанка, протиснувшись на арену, дала толстяку кусок пудинга собственного производства.

Огромный монстр стоически принимал все: пудинг, трость, фотографию, программу. Он съел также подошву от ботинка, лист бумаги, велосипедное седло, живую жабу, блюдечко, баранью кость, двадцать восемь метров карамелек, пакет ваты, экземпляр ежемесячника «Дом и сад», букет гвоздик, лифчик, шерстяной носок ручной вязки, две пряжки от пояса, пару подтяжек, игру в таро, кость цыпленка.

ка, шестнадцать гашеных марок, Полное собрание сочинений Жана Кокто, чучело белки, коробочку ароматной мази, нечто вроде амулета, солнечные часы, пакет корма для попугаев, дипломатическую ноту, четырнадцать призывов о помощи, «Вальпургиеву ночь», служебную лестницу, три толстенных книги, два луча солнца...

Триумф, друзья! Иступленный восторг! Никогда ни Сара Бернар, ни Элвис Пресли, ни Робинзон или Спингбоки не знали подобного успеха.

Толстяк, когда он в ударе, если его не остановить, способен проглотить цирк, Боржуан и весь департамент Ивер целиком! В своем порыве, проглотив вселенную, он может проглотить и самого себя!

Да, в этот вечер Беру был чем-то вроде конца света, или еще похлеще.

По сравнению с ним водородная бомба – маленький смиренный кролик.

Мы выиграли, ребята! Я понял это по широкой, во все лицо, улыбке мистера Барнаби.

Когда мы покинули арену, директор бросился к нам и стал с завидным рвением растирать бицепсы толстяка.

– Черт возьми! – закричал он. – Это самый исключительный номер из всех, которые я когда-либо видел! – Он быстро увел нас к своему роскошному фургону.

О нем мне следует вам рассказать, братцы. Это Версаль среди фургонов. Внутри он весь из мрамора, в нем есть цен-

тральное отопление, кондиционированный воздух, ванная комната с плавательным бассейном вместо ванны, гостиная двенадцать на шестнадцать метров, спальная комната, обтянутая тисненым бархатом, кухня, по сравнению с которой кухня Раймонда Оливера похожа на печку в кемпинге, и холл, полный доспехов и тигровых шкур.

Барнаби выразил нам свое удовлетворение. Беру получил комплименты и принял их со своей обычной скромностью. Мадам Барнаби, самая что ни на есть законная супруга большого босса, была в восторге от подвигов юного героя и с воодушевлением смотрела на него своими студенистыми глазами. Эта «красивая» светловолосая кукла была примерно с полтонны весом и с лицом столь же выразительным, как банка яблочного компота. Она подмазалась голубым, зеленым, розовым, красным и, вероятно, использовала для этого мастеров каменщика.

Бриллианты, которые она таскала на себе, гарантировали устойчивость бюджета семьи минимум лет на двадцать, серьги напоминали люстры в салоне Гранд-отеля в Париже, а браслеты были таковы, что она не в состоянии была протянуть руку без опоры на треногу от пулемета. Что касается ее ожерелья, то оно было похоже на цепь землемера, сделанную из массивного золота.

– Нет ли у вас питьевой воды? – спросил Беру, всегда готовый на флирт.

– Зачем? Вас переутомил ваш номер? – беспокоился

наш уважаемый патрон.

– О! Ни в коей мере, – запротестовал Напыщенный. – Только там была старая англичанка, которая сунула мне кусочек невероятного пудинга.

К вашему сведению, я бы отправил в туалет всю британскую кухню, не прикоснувшись к ней, а особенно этот пудинг, растертый с калом. К тому же он, кажется, заплесневел. Короче, он потревожил желудок Беру.

Толстяк отправил себе в желудок большую порцию бикарбоната и, проглотив лекарство, заявил, что теперь уже все газует, что и доказал, переключившись на шампанское.

– Если бы у вас нашелся небольшой бисквит, – обратился он к мадам Барнаби, – я был бы не против его съесть.

Это заявление полностью убедило директора, и он заговорил о нашей работе.

Мы были ангажированы на неплохой кусок в сто тысяч франков за представление. Я же, кроме работы конференсье, должен был еще причесывать жирафу и сторожить слона, и, будучи всегда в превосходных отношениях с жирафочками и любя слоновую кость, я охотно принял это условие.

Нам предстояло золотое будущее, вроде вышитого платья мадам Барнаби.

Когда мы чокались бокалами, в дверь постучали. Метрдотель заявил нам, что какой-то журналист просит об интервью.

Это был хороший признак.

Барнаби излил смех, как лопнувший томат.

– Пусть немедленно войдет!

Появился парень с бархатными глазами, который оказался не кем иным, как моим другом Марком Перри из «Дофин Либерс». Это старый приятель, который знает меня отлично.

– Вот так сюрприз! – воскликнул он со своей обычной манерой. – Когда я увидел тебя на арене, я стал страшно икать.

Я выдал ему такой выразительный взгляд, что он был ошеломлен.

– Старина Марк! – закричал я, кинувшись ему на шею.

Сжимая его в объятиях, я шептал в его отверстия для окурков:

– Ни слова о том, что я флик, я потом тебе все объясню.

Перри – это тип, у которого столько сообразительности, что он не знает, куда ее девать. Он оставался таким же невыразительным, как рыбье филе в стеклянной банке.

– Вы знакомы? – удивился Барнаби.

– Мы – земляки, – объяснил я.

Марк сжал губы и заявил:

– Ваш номер, парни, исключительный! Соединенные Штаты широко распахнули бы для вас двери!

– Падре ди дио! Не сейчас, – запротестовал Барнаби. – Мы с этими господами продelaем тур по Европе: Италия, Швейцария, Германия, Голландия...

Мы откупорили две бутылки «Поммери». Марк, у которого палец был всегда на спуске фотоаппарата, сделал несколь-

ко снимков толстяка в домашней обстановке.

Потом мы покинули нашего дорогого директора, чтобы вернуться в наш собственный фургон.

Очутившись в нашей усадьбе на колесах, Марк Перри тяжело оперся о стену.

– Ну и свиньи, – пробормотал он, – я надеюсь, ты расскажешь свою историю вдоль и поперек, а?

Я упал в кресло, уронив на ковер руки, как брошенные весла (хорошая метафора, а?).

Что касается толстяка, то он убирал в шкаф свои брюки из кожи, а также панталоны и пиджак из медвежьей шкуры.

– Послушай, мой дорогой Марк, – сказал я, – я буду с тобой откровенен, потому что ты мой друг. Но если, к несчастью, ты напишешь хоть ничтожную долю истории прежде, чем я дам тебе зеленую улицу, я заставлю тебя проглотить свою авторучку и газету, в которой будет напечатана твоя статья. Сообразил?

Марк провел рукой по вьющимся волосам и пожал плечами.

– Угрозы ни к чему, – сказал он. – Достаточно обращения к моему благоразумию.

– Благодарю, братец.

Я вытащил из-под дивана бутылку виски.

– Вот, пропусти в себя глоток этого супергорячего, пока я расскажу тебе обо всем. Ты – работник прессы и, вероятно, находишься в курсе всех краж картин, которые произошли

в различных музеях?

– Да, месье, – ответил Перри, вливая себе за галстук, который он по ошибке забыл надеть, сто грамм чистого солодового продукта. – Ты имеешь в виду того, кого мои парижские коллеги называли Арсеном Люпенем Музеев?

– Совершенно точно. В Лувре украли Мане, в Тулузе – Коро, Фрагон украден в Марселе, Сезанн – в Жесе в Провансе и Фра-Анжелико – в Лионе. Хорошенький счет, понимаешь?

– Понимаю. Ты производишь следствие?

– Уже два дня.

– И ты нашел след?

– Не знаю.

Марк нахмурил брови.

– Нехорошо скрывать от меня, Сан-Антонио.

– Я ничего от тебя не скрываю. Я сказал грустную правду: я не знаю, нахожусь ли я на следе или нет.

– Но тогда что же ты делаешь в этом цирке?

– Я принимаюсь. Арсен Люпен Музеев действует с исключительным мастерством, никогда не оставляя ни малейшего следа. Но я вывел одно заключение, которое может оказаться полезным.

– Не дай мне умереть от любопытства, – умолял Марк. – Я чувствую, что сейчас это случится.

– В каждом городе, в котором происходили кражи, цирк Барнаби давал представление именно в тот день, когда исче-

зали картины.

Перри упал на диван и звонко поцеловал бутылку виски.

– Кроме шуток?

– Да. Может быть, дело идет о простом совпадении, заметь это.

– Нет, – тихо возразил Перри, – пять совпадений... это слишком!

– Я тоже так подумал, и тогда мне в голову пришла мысль пожить немного внутри цирка, чтобы поближе познакомиться с поведением каждого его участника.

– И ты нанял булимика, чтобы он помог тебе?

– Совсем нет, этот проклятый господин, которого ты видишь, одетый в халат и поглощающий сэндвич, не кто иной, как мой сотрудник, главный инспектор Александр-Бенуа Берурье.

Беру поклонился: он заканчивал день легким ужином.

– Беру, – пояснил я, – всегда обладал исключительным аппетитом, а в настоящий момент у него еще завелись солитеры. Когда мы искали возможность проникнуть в цирк, у него появилась эта идея. Судя по тому, как идут дела, надо думать, что он попал в яблочко.

Марк был восхищен.

– Цирк отправляется в Италию? – спросил он.

– Да, сын мой. Италия – это страна музеев. Я надеюсь, что мы там что-нибудь да засечем.

– Ты будешь держать меня в курсе дела?

– Обещаю.

– Ты только подумай, как будет отлично, если я первым сообщу о затравленном зайце.

– Ты сможешь это сделать, когда я раскрою это дело, но в настоящий момент мы играем в молчанку.

Мы еще немного поговорили, но в конце концов Марк поднялся с дивана. Он уже подошел к двери, когда заметил, что потерял электрическую лампочку от своего фотоаппарата. Он встал на четвереньки, чтобы поискать ее, но толстяк сконфуженно пробормотал:

– Прошу прощения, господин журналист, но мне кажется, что я ее съел.

Глава 2

Я не знаю, парни, жили ли вы когда-нибудь в цирке. В сущности, с вашими идиотскими башками, в этом не было бы ничего удивительного.

Я отлично представляю вас в зверинце, братцы, между американскими мангустами и шимпанзе. Вы очаровательны в вашей красивой клетке! Вам меняют подстилку два раза в день, так как обслуживание там роскошное! А кроме того, плохо верится, но у публики доброе сердце.

Даже трудно себе представить, что они могут швырнуть вам на угощение. Но пусть не это вас соблазняет, а чудесная жизнь без забот и огорчений!

Мы поочередно давали представления в следующих городах: Тур-де-Нин, в Понде Боавуази, в Бойро и в Гренобле. Так как в последнем имеется музей, я ожидал новой кражи, но как бы не так: было полное спокойствие. Повсюду толстяк производил фурор со своим номером булимии. В нем пробудился огромный талант!

Время от времени, будучи в особенном ударе, он ошеломлял нас, поедая червяков, промокательную бумагу или зонтик, но это была лишь забава, если я могу так выразиться. (А почему бы я не мог так выразиться? Вы не можете запретить мне это.) В каждом городе, где мы выступали, нас ожидал триумф. Нашему появлению предшествовала необычайная

реклама. Все ждали толстяка, а журналисты осаждали его, лишь только появлялся Барнаби. Его заставляли давать автографы, восхищенные дамы приносили ему в фургон лакомства: бараньи кости, битую посуду и тому подобное.

Примите во внимание: все эти вещи богаты кальцием.

Его Светлость существенно изменился. Теперь, став звездой, он свысока поглядывал на меня и принимал позы. Скоро мне придется им заняться!

Однажды вечером, это было, кажется, в Шамбери, он сказал мне:

– Я заявляю тебе, Сан-Антонио, что я собираюсь подать Старику заявление об отставке.

Я нахмурил брови.

– В самом деле?

– Да, месье. Ты отлично понимаешь, что мне нет никакого основания тянуть лямку в течение долгих лет, тогда как здесь я за два дня зарабатываю столько, сколько за месяц службы в полиции.

– Как хочешь, толстяк.

– Это тебя огорчает? – беспокоился Ужасный.

Так как я не ответил, он продолжал:

– Понимаешь, Сан-Антонио, нужно обеспечить себе старость. Мне нужно кормить жену, а она ест почти столько же, сколько я, ты же знаешь.

– Есть только одна вещь, которую я понимаю, Беру: мы начали следствие, и мы его закончим. Когда следствие будет

закончено, ты сможешь делать все, что захочешь.

Он нахмурился.

– Судя по тому, как сейчас идет дело, это твое следствие еще не скоро будет закончено.

Тут он сказал сущую правду. Все, казалось, идет хорошо в этом цирке. Каждый выполняет свою работу как можно лучше.

Теперь разрешите мне, раз уж мы заговорили об этом, рассказать вам о номерах, составляющих программу.

Там были знаменитые клоуны Вома и Ранго; знаменитые антиподисты (эпитеты взяты из программы) Градос; мадам Кавальери со своей легкой кавалерией; профессор Пивуники, престижератор; мисс Мугуэт и ее слоны; Эксобрутос на воздушной трапеции и Спранет, первый жонглер мира.

Вот это спектакль!

Вначале нас приняли очень мило, но после огромного успеха Его Величества люди стали сторониться нас. Тем более, что Барнаби изменил порядок номеров. Отныне в звездах вместо Эксобрутоса ходил Беру. Все они были очень недовольны и старались нам напакостить. Только мисс Мугуэт была любезна с нами. Во-первых, потому, что я занимался ее животными, и, во-вторых, потому, что она не осталась равнодушной к моему шарму. В особенности, когда я устремлял на нее свой чарующий взгляд.

Это была совсем еще молоденькая девчонка, натуральная блондинка с голубыми глазами, выразительными губами и

высокими скулами. Поверьте мне, ее мамаша не поскупилась на ее грудную клетку, а также на ее возможности отдавливать подушки. Я уже давно решил предложить себе эту богиню, и, уверяю вас, скоро это произойдет.

Итак, в течение доброй недели мы блуждали по юго-востоку Франции без малейших происшествий. Наконец мы приехали в Италию. Я вел себя весьма скромно. И не потому, что я не хотел привлекать чьего-либо внимания. Единственным интересным фактом было то, что ни одна картина после Лиона не была украдена. Может быть, Арсен Люпен Музеев уже заполнил свою коллекцию и отказался от краж?

Цирк Барнаби раскинул свой шатер на площади Равиоло Ракуи в окрестностях Турина.

Время проходило тихо и скучно. Беру храпел в фургоне в ожидании часа представления, а я, взобравшись на высокую лестницу, расчесывал жирафу Зо.

С моего насеста открывался обширный вид. Зо, доброе животное, на самом деле менее опасна, чем можно было бы предположить.

Я привел ее в приличный вид и собирался слезать, когда увидел, как на площадь въехала американская машина и остановилась у края нашего шалаша. Из нее выдавился шофер в белой блузе и голубой кепи и подошел к фургону-кассе, в котором мадам Барнаби продавала билеты.

Я подумал, что это какой-нибудь представитель пьемонтского капитала послал своего слугу за билетами для своих

ценят.

Но вместо того, чтобы оторвать ему билеты, мадам Барнаби указала ему на фургон Градос.

Шофер направился туда и постучал в дверь. Ему открыли, и он вошел.

Вы меня, надеюсь, знаете? А если вы все же не знаете, то пойдите и сварите себе два яйца, утренний соня.

С безразличным видом я приблизился к машине, чтобы взглянуть на нее. Интересно, что понадобилось ее владельцу? Путешественники, как говорят журналисты, лишены поэзии, и у них нет привычки принимать важных визитеров.

Машина – «кадиллак», если вам это нравится, а если не нравится, я ничего не могу поделать, черный снаружи и белый внутри. Приписана к Турину. Номерные знаки у нее посеребренные, руль из позолоченного серебра, а колпаки колес из золота. Роскошная машина, можете себе представить. Украшения внутри машины были из платины. Заднее сиденье отделено от переднего литым стеклом, чтобы не смешивать тряпки с портфелем.

Мне бы хотелось, чтобы вы увидели внутренность этой машины! Сколько угодно холодной и горячей воды! Погребок для вин! Телевизор, магнитофон, машинка для поджаривания хлеба, сушилка для волос, гимнастический зал, бильярдная, теннисный корт. Утонченность зашла слишком далеко. Имелась даже статуя Виктора-Эммануила в углу салона, не знаю во сколько раз больше натуральной величины.

Короче говоря, эта машина была не для всех.

Шофер вышел из фургона в сопровождении Донато Градос-старшего, одетого в темно-синий костюм. Кроме того, на нем была надета белая рубашка из шелка и галстук тоже из белого шелка. В бутоньерке у него был искусственный цветок. У него был очень элегантный вид, и он шел с профессиональной легкостью, так как, по заверениям злых языков, он самый настоящий пед.

Донато и Поль Градос создали вдвоем экстраординарный номер.

Донато устроился на заднем сиденье «кадиллака», который тут же отъехал, подняв тучу пыли. Да, мои красавицы, ваш Сан-Антонио был немного растерян. О чем же подумал дорогой комиссар? С каких это пор ливрейные шоферы занимаются доставкой артистов цирка? Нужно было разузнать по этому поводу все.

С безразличным видом я подошел к фургону Градос и бросил взгляд в любовное гнездышко этих господ.

Это была настоящая бомбаньерка: стены, обтянутые материей, мебель из красного дерева, а на полу – персидские ковры. Поль – блондин, волосы у него достигают шеи. Он был одет в кружевной халат.

Я не знаю, где он покупает губную помаду, но она замечательно придает его губам естественный красный цвет.

Поль – фламандец, в то время как Донато увидел свет в Неаполе.

В тот момент, когда я рассматривал их дворец, Поль писал за маленьким секретером в стиле Карла X, куря сигарету с золотым ободком.

Решив приглядывать за этими типами, я отправился наводить блеск на бивни слонов при помощи замши. Мисс Мугуэт караулила меня поблизости, и не успел я проникнуть в детскую ее игрушек, как она появилась. На ней были парчовые брюки, белый свитер и улыбка – тоже белая. (Здесь белое – это не цвет, как утверждают шахтеры и продавцы угля.) – Я помогу вам, – заговорила она, – так как Ипполит находится в дурном настроении.

Ипполит – это ее самый большой слон, бестия в пять тонн весом и с отмахивателями от мошек столь же огромными, как занавес оперной сцены.

Она гладила его хобот, в то время как я чистил его бивни. Ипполит, в сущности, добрый толстяк, в стиле Беру, но иногда он взрывается и тогда становится невыносимым.

Я спросил у Мугуэт, что заставило ее заняться дрессировкой слонов, и она ответила, что в этом виноват ее папа. Ее родитель сперва занимался демонстрацией блох, но после того, как он стал плохо видеть, он стал заниматься дрессировкой более крупных животных – сперва собак, затем тигров и, когда зрение его стало еще хуже, слонов. Рабочая драма! После его смерти Мугуэт продолжала предприятие – шесть индийских слонов в полном расцвете сил.

Когда клыки Ипполита приобрели требуемую белизну, я

решил, что настало время заняться его хозяйкой.

Я приблизился к ней с четко выраженным видом, что должно было дать ей понять о моих намерениях.

– Ему повезло, вашему слону, – проговорил я глубоким голосом.

– Почему? – пролепетала она.

– Потому, что вы его хозяйка. Мне бы очень хотелось быть на его месте.

– Какой же вы нахал! – запротестовала Мугуэт.

Моя рука обвилась вокруг ее гибкой талии (некоторые мои сотрудники прибавили бы «как лиана», но я предпочитаю воздержаться от этого).

– Я ваш главный и самый замечательный слон, – прибавил я, лаская ее талию.

Я не знаю приходилось ли вам обнимать молодую женщину среди полдюжины взрослых слонов. Должен вам заявить, что это впечатляюще.

– Эй, хватит лапаться, Джумба! – закричала она.

– Это не Джумба, – прошептал я, опрокидывая ее на сено.

Я не стану терять времени, описывая вам все номера высокой эквилибристики, которые мы продемонстрировали. К чему это, раз вы все равно не поймете. Но девочка Мугуэт, между нами и зверинцем будет сказано, не боялась таких упражнений.

Когда она вышла из помещения, в котором живут ее слоны, на ее одежде была солома, и если у кое-кого после этого

сено оказалось в ботинках, то у нее оно было на волосах.

Я нашел Бери занятым поглощением спагетти. Это было что-то вроде тренировки желудка. Он воодушевляется перед представлением.

Сидя в баре, я ожидал возвращения американской машины, но вместо этого увидел Донато, вышедшего из такси и присоединившегося к своей «подружке».

Я не безумно богат, но охотно бы отдал свой текущий счет в банке, чтобы узнать, куда он ездил. Так как это было пока невозможно, я стал наблюдать, что же произойдет дальше. Что-то говорило мне, что сегодня еще будут новости. Вы знаете, что предчувствие в нашем деле – это самое главное. Если бы у фликов не было чутья, 98 из 100 преступлений были бы не раскрыты.

Когда наступил вечер, я устроился в углу парка и наблюдал за приходом и уходом каждого. Так как парень Бери выступает в конце программы, то я мог себе это позволить.

Представление открыла мадам Кавальери со своими дрессированными рыжими лошадьми. Приятная особа эта мадам Кавальери! Она немного угловата для своего возраста. У нее двенадцать детей и больной муж, который ничего не делает. Его добрая жена воспитывает детей, а со старшими из них делает номера.

Потом наступила очередь Спранета. Дьявольский жонглер! Единственный жонглер в моей памяти, который одновременно жонглирует перьями павлина и тяжестями в пять

килограммов.

Он имел большой успех. Этот Спранет – англичанин. Жил он с одной дамочкой, которая старше его, – Дафке. Она совершенно не говорит по-французски и ревнива, как тигрица. Пока ее ростбиф проделывает свои номера, она стоит за занавесом и наблюдает за ним, чтобы ему не пришла в голову мысль сделать глазки какой-нибудь хорошенькой зрительнице. Когда он заканчивает номер, она вытирает ему лицо махровым полотенцем, на котором изображена королева Англии на лошади, и утаскивает его домой, как паук муху.

После Спранета выступал Пивуникони, иллюзионист. У него вид и осанка дипломата. К тому же, он во фраке! Другого такого нет среди специалистов по номеру с голубями. А номер с таинственным сундуком – его гвоздь. Он запирает туда мадемуазель Лолу, его ассистентку и подружку. Доброволец из публики перевязывает сундук вдоль и поперек. Сундук ставят на подставки. Пивуникони делает магические жесты – и все закончено! После этого развязывают сундук: Лолы там больше нет. Она уже сидит в фургоне и приготавливает себе какао.

Потом появились Вома и Ранго, известные клоуны. Их номер – сплошное веселье! Если бы я был автором сюжетов их номера, я бы просыпался ночью, чтобы сказать себе, что я гений. Вамо появляется после Ранго. Он приближается к нему и говорит:

– Как поживаешь, Водеполь?

Тот отвечает:

– Как видишь, Турабрас!

Это уже страшно смешно, не правда ли?

Но подождите, это еще не конец. Вамо протестует против имени Турабрас. Другой говорит, что не верит его протестам и считает их хитростью. Вы продолжаете улавливать? Будет жалко, если вы пропустите это. Вамо говорит, что нет никакой хитрости. Тогда Ранго заявляет, что его зовут не Водеполь. И тут, можете мне поверить, что все присутствующие смеются.

Номер клоунов закончен. Первое отделение заканчивается выступлением Градос.

Во время представления я, как охотничья собака, не переставая сновал между ареной и фургонами, незаметно наблюдая за артистами и рабочими сцены. Я особенно внимательно следил за Градос, так как до сих пор не разобрался в случае с «кадиллаком».

Когда они закончили свой номер, я стал бродить вокруг их фургона. Эти добрые ребята стали обедать, болтая, как попугаи. Успокоенный их поведением, я направился к толстяку, чтобы велеть ему приготовиться к выходу, так как после слонов мисс Мугуэт, после Эксобрутоса, после еще одного выступления Пивуникони (на этот раз он должен изображать факира), и после еще одного появления клоунов – наступит его очередь выйти на арену. Несколько стаканов лимонада, чтобы растянуть брюхо, ложка висмута, чтобы успокоить же-

лудок, и он готов. В куртке из шкуры пантеры и с бородой пещерного человека, он был великолепен. Его мускулистые руки производили впечатление. Это замечательный и благородный обжора, вызывающий своими способностями гром аплодисментов.

Я выступил со своей болтовней на кухонном итальянском языке, и сеанс начался. Бери набивает свой желудок поношенным ковриком, подсвечником, произведениями Данте, гинуэзским хлебом, старым аппаратом для проделывания дыр в макаронах, шляпой борсальера, папской булой, марсельским мылом, видом Флоренции, носом венецианской гондолы, неаполитанским заливом, портретом Муссолини в полный рост, старым футбольным мячом...

Судя по аплодисментам, по эту сторону Альп его успех стал еще значительней. Его с триумфом носили на руках. Директор фабрики по производству макарон предложил ему контракт на год, чтобы он служил им для рекламы. Вы ухватили, наконец, ситуацию?

Как обычно, после представления Бери раздавал автографы. Потом он вернулся в фургон, испытывая легкую тошноту из-за пера на шляпе борсальера, которое щекотало его желудок. Мы выпили по два или три скотча и растянулись на кроватях, удовлетворенные исполненным долгом.

Только я закрыл свои прекрасные глаза, как шум заставил меня вздрогнуть. Беготня, восклицания и даже проклятия, должен вам сказать!

Я встал, натянул брюки, сделал театральное лицо и вышел наружу.

Парень, обслуживающий сцену, проходил мимо фургонов, и я его спросил:

– Кондагтучр веталаскгал?

Это – на его языке, так как я бегло говорил по-молдавански.

– Убит какой-то мужчина, – ответил он на моем языке, а не помолдавански. Вежливость в ответ на вежливость.

– А кто он? – вздохнул я.

– Ркпеис налаг кр ноиг, – сказал он, что, как известно каждому, означает «я этого не знаю».

Я поспешил по направлению к тому серому зданию, где столпился народ. С большим трудом растолкал зевак. Какой-то тип лежал там лицом к земле с ножом между лопатками. Сразу видно, что он не из цирка. Флик в униформе, очень недовольный, жестикулировал около умершего.

Неожиданно появился месье Барнаби в черном бархатном жилете, отделанном золотом.

– Что это такое? – спросил он, перевернув мертвого носком ботинка.

Почему у меня, когда я увидел это бледное лицо, сложилось впечатление, что я его уже где-то видел? Между тем, это безусловно был итальянец, и в этом не могло быть сомнений. Его волосы были цвета блестящей ночи, а широко раскрытые глаза еще сохраняли выражение, свойственное толь-

ко заальпийской расе, – выражение мулов. Но я никак не мог вспомнить, где я видел этого бедного парня. Может быть, я ошибаюсь... но... Я нагнулся над ним и, сунув два пальца в наружный карман пиджака, вытащил разорванный билет в цирк Барнаби.

– Это был наш клиент, – сказал я. – Кто его обнаружил?

– Ил сон ко ки, – проговорил парень, присматривавший за конюшней, кореец.

– Ах, так это ты. Как это произошло?

Он объяснил мне, что нес пищу для слонов. Когда он тащил большую охапку сена, то обо что-то споткнулся, и это что-то оказалось господином, заколотым в спину. Он сразу же привел охрану, и вот...

Я дотронулся до типа: он был теплым. Я посмотрел на часы. Они показали мне, что сейчас было 12.45, другими словами, без четверти час! Представление было закончено ровно в полночь. На то, чтобы разойтись, толпе потребовалось около пятнадцати минут. Значит, парень был убит менее, чем полчаса назад. И это произошло тогда, когда на площади уже никого не было, в противном случае, если там кто-нибудь и был, он должен был уйти раньше моего друга.

Я у мамы дурачок.

Заключение: этот бедный парень болтался вокруг цирка по неизвестной мне причине. Может быть, он кого-нибудь ждал?

Я вздрогнул. Так и есть, я знаю, кто это такой. Это шо-

фер «кадиллака», который сегодня утром приезжал за Донато Градос. Сейчас на нем нет ливреи, что и объясняет, почему я сразу не узнал его.

Я направился к фургону, в котором жили эти месье-дамы, и постучал. Мне никто не ответил. Увидев открытое окно, я взобрался на колесо и заглянул внутрь. Луч моего карманного фонарика осветил хорошо убранное, но пустое помещение.

Скажите, дорогие, разве что-нибудь проясняется? Я занимаюсь делом об украденных картинах – и вот попадаю в историю с убийством. Потрясающе! Затруднение состоит в том, что я нахожусь на чужой территории, и мое звание комиссара здесь совершенно бесполезно. Здесь я лишь работник цирка, причесывающий жирафу, а также конференсье, представляющий публике обжору. Но это не мешало моему серому веществу работать. Я готов держать пари на что угодно и даже на что-нибудь менее ценное, что автор убийства – Донато. Зарезав парня, он убежал со своей «подружкой» Полем, чтобы сфабриковать себе алиби, и теперь, вероятно, сидит в какой-нибудь коробке в Турине.

Я осмотрел часть салона, а затем приложил все свои усилия к секретеру. У всех секретеров есть свои секреты, вы ведь знаете об этом, а? Я уже написал как-то, что не существует парня, который лучше меня мог обнаружить эти секреты. Ведь это моя основная работа.

Через некоторое время обнаружился потайной ящик. Он

находился в глубине столика. Чтобы его обнаружить, надо было сперва вынуть настоящий ящик, а затем в глубине образовавшегося проема найти небольшое отверстие и сунуть туда палец.

Сунув палец в отверстие, я тем самым привел в движение скрытый механизм, и ящик открылся.

В нем лежали две большие спичечные коробки. Внутри их я нашел пачку иностранной валюты: доллары, английские фунты, швейцарские франки. Все вместе составляло примерно 300622 старых франка. Внутри ящика лежало также два маленьких мешочка, содержащих белый порошок. Я сразу догадался, что это кокаин. Один из господ нюхает его. А может быть, оба?

Я взял из секретера ручку и написал на одном из пакетиков печатными буквами следующее послание:

«Я знаю обо всем. Встретимся завтра вечером после представления на пустыре за площадью».

Закончив писать, я положил все на место и быстренько смылся.

Ажиотаж на площади все продолжался. Встревоженные шумом, доносившимся снаружи, местные жители проснулись и вышли, чтобы посмотреть, что же произошло. Толпа собралась просто невероятная, и санитарной машине, приехавшей за трупом, было очень трудно пробить сквозь нее себе путь.

Я мысленно пожелал своим итальянским коллегам хоро-

шенького удовольствия. Оно лежало там, на площади, похожее на мешок с загадками. Тип, занимающийся отпечатками пальцев, на этот раз получит нелегкую задачу.

В нашей хате Беру спал сном праведника.

Этот баобаб неплохо устроился! Его храп колыхал зеленое покрывало, подаренное нам мадам Барнаби.

Я свистнул, и его мотор стал работать менее интенсивно, а это, в свою очередь, дало мне возможность улечься спать.

Глава 3

– Ты отправляешься в свет? – удивился Его Величество.

– Ты даже не представляешь, как верно сказал, – ответил я, завязывая шелковый галстук с черными полосками поверх крахмальной рубашки. – Я иду в большой свет.

– Ну, а куда? – настаивал Беру.

– Профессиональный секрет, толстяк.

– О, понятно! Ты подцепил роскошную мышку!

– Остудись! Я объясню тебе как-нибудь позднее.

Я быстро направился в путь, но чей-то голос произнес мое имя, и я повернулся, чтобы улыбнуться мисс Мугуэт. Сегодня утром она была очень шикарна, моя маленькая куропа-точка – укротительница крупнокопытных хоботных. На ней была клетчатая юбка и черный полувер, из под которого здорово выпирала ее грудь.

– Вы направляетесь в город, Тони?

– Йес, мисс.

– Вы возьмете меня с собой?

Я удержался от того, чтобы нахмурить брови, так как это могло ее шокировать.

– Я очень хотел бы этого, моя крошка, но я должен по-видать одну из моих теток, которая живет в монастыре, так что...

– Злюка! – бросила она.

Я не люблю таких, которые навязываются. Эта девочка, видимо, принадлежала к этой опасной категории.

– Я поведу вас погулять днем, – пообещал я.

Я уже собирался смыться, но около нас остановился «фиат-1500», набитый легавыми. Один тип, темный, как слива, с бархатным взглядом, выпрыгнул из машины.

– Куда вы идете? – спросил он меня по-итальянски.

– На рыбную ловлю, – ответил я по-французски.

Он поднял вверх правую бровь, что округлило его глаза.

– Да ведь мы знакомы! – закричал он.

Я сделал ему знак молчать, потому что здесь присутствовала мисс Мугуэт. Я тоже узнал прибывшего: это был комиссар Ферна-Брасса. Он отвел меня в сторону. Это очень удобное место, надо вам сказать!

– Сан-Антонио! – закричал он.

– Милый мой коллега, здесь я лишь служащий, – ответил я. – Но я думал, что вы в Риме.

– Я попросил перевести меня сюда, так как моя жена не выносит его.

– Счастлив это слышать.

– Но как это случилось, что вы?..

– Секретная служба, – прошептал я. – А вы проводите следствие по делу об убийстве сегодняшней ночью?

– Совершенно точно. А есть связь между ним и вашим делом?

– Я еще ничего не знаю. Но я, со своей стороны, суну вас

в это дело.

Он помахал своим красивым пальчиком перед моим красивым носом.

– Вы просто сама скрытность! – пошутил Ферна-Брасса.

– Что вы! Если бы я знал что-нибудь, я бы вам сказал. Я даже не знаю личности убитого. Вы хорошо бы сделали, если бы осветили мой путь своим фонарем знаний.

– Наш фонарь светит только нам, – проворчал Ферна-Брасса. – Но я добрый. Убитый – это некто Джузеппе Фаролини. Он работал шофером у синьора Кабеллабурна, фабриканта, производящего электрические кофеварки.

– Грациасс, комиссар. Будем держать друг друга в курсе наших расследований. Не хотите ли пообедать вместе сегодня вечером?

– С удовольствием. Вы что, хотите вытянуть из меня все сведения относительно этого дела?

Он засмеялся, открыв рот так, что стали видны все его ослепительные зубы.

– Свидание в восемь часов у Квамоды, в ресторане де ля Виа Расурелла.

После этого я покинул его.

Легкими шагами я направился к ближайшей автобусной остановке и сел в автобус, который за несколько монет довез меня до центра города. Проболтавшись некоторое время, я в конце концов нашел то, что искал: лавку, торгующую театральным реквизитом.

Лавка была темная и вонючая. Там распоряжался старик, которому надо было бы приделать к ногам колеса, чтобы он мог свободно двигаться — до такой степени он был жирный и неповоротливый.

Я ему наврал, что мне нужно идти на званый обед, и перерыл все его барахло, чтобы выудить то, что изменило бы мою приятную внешность.

Большие черепаховые очки с большими стеклами, каучуковые шарики для того, чтобы засунуть их в нос, — и вот я стал совершенно неузнаваемым. Арсен Люпен не смог бы сделать этого лучше. Я заплатил и быстренько смылся. Потом я зашел в почтовое отделение и стал листать телефонный справочник, чтобы узнать адрес синьора Кабеллабурна. Я легко нашел его потому, что он был напечатан как афиша, крупными буквами.

Фабрикант жил в районе Ризото, самом фешенебельном в Турине. Такси сверхбыстро доставило меня туда.

Отличная лачуга, дети мои!

Фасад весь из розового мрамора, подъезд в два раза импозантнее, чем в Фонтебло, а окна такие же большие, как в галерее Лафайетт.

Я появился в фальшивой бороде и больших фальшивых очках, и это совсем не придавало мне радости. Я также не был горд своим гримом. В нем я был немножко похож на господина, который ходит продавать овощеварки к маркизу Сен-Глингляни.

Слуга в ливрее открыл мне дверь. Он был худой, волосы на голове у него были совершенно белыми. Вид степенный. Можно было подумать, что его накрахмалили.

Он спросил меня, что мне угодно. Я ему ответил, что мне срочно нужно поговорить с синьором Кабеллабурна.

Тогда он сказал мне, что это трудно сделать, так как синьор находится в Соединенных Штатах Америки уже десятый день и вернется он не раньше конца месяца.

Так как я немного растерялся, слуга спросил, не из полиции ли я. Только такой старый раб, как он, может так хорошо распознать социальное положение парня. Несмотря на мой французский акцент, он унюхал, кто я такой, этот протиральщик ковров.

Я принял удивленный вид.

– Из полиции, мой боже! – воскликнул я. – Фатально! Прийти из-за убийства шофера в частный дворец и зацапать шикарную туринскую курочку! Ведь я думаю, мадам Кабеллабурна здесь, а?

Я изобразил на своем загримированном лице улыбку, способную растопить Монблан.

Он колебался.

– Синьора еще в своей комнате. Как о вас доложить?

– Вы ведь слышали о Сан-Антонио, не так ли? Вы ведь знаете, какое у него чутье? Скажите синьоре, что я пришел от ее друга Донато, – проговорил я с редким апломбом.

Он нахмурил брови еще больше, так, что они составили

прямую линию. Потом указал мне на банкетку, покрытую шкурой пантеры, и исчез.

Я чувствовал, что побледнел до колен, мои дорогие. Вы представляете себе: проникнуть в частный дворец, да еще наврать одной из самых замечательных дам Пьемонта.

Время, казалось, текло бесконечно медленно. Наконец мой протиральщик ковров вернулся.

– Пожалуйста, следуйте за мной! – предложил он слегка смягчившимся голосом.

Вы понимаете всю важность происходящего, мои дорогие? Раз синьора соглашается принять неизвестного, который представился ей приятелем Донато, значит, она знакома с Донато. Интересно, скажу я вам.

Лакей подвел меня к лестнице из белого мрамора, по сравнению с которой лестница в опере казалась дешевкой.

Мы поднялись по ней и вошли в широкий коридор, устланный персидскими коврами. Стены были обтянуты белым бархатом с вышивкой из золота. Роскошь!

Мой ментор провел меня в будуар, в котором можно было делать все что угодно, но только не сердиться на бедность обстановки. Стены были покрыты шведской кожей. Кажется, в Италии это стоит дорого, так как привозить ее приходится издалека!

Мебель была английская, в стиле «регент». Я уселся в кресло и стал ждать дальнейших событий.

В воздухе веял тонкий аромат духов, и меня обволакивала

успокаивающая теплота. На стенах висели картины Пикассо, Сагана и Бутони розового цвета.

Тяжелая, обитая железом дверь бесшумно отворилась, и ваш дружок Сан-Антонио совсем ошалел! Вы уж меня простите за выражение, дети мои.

Даже в Италии такого каждый день не увидишь.

Представьте себе особу лет тридцати пяти (на которые она не выглядела), сложенную как Венера в молодости. Эта куколка была блондинкой, вернее, ее волосы были белокуры белокуростью итальянок, у которых волосы не были темными, с большими черными глазами, длинными ресницами, с кожей цвета охры, с губами, созданными, чтобы говорить «ты», и длинными ногами американской кинозвезды.

Какое необыкновенное зрелище! На даме было белое шелковое дезабилье, схваченное на поясе золотым шнурком.

Когда она шла, ее одежда немного распахивалась, приоткрывая выше колен ее феноменальные ноги.

Она привыкла производить эффект. Я это понял потому, что она дала мне несколько секунд, чтобы я успел прийти в себя, прежде чем спросила голосом, который привел меня в неопишуемое волнение:

– Кто вы такой?

– Мое имя вам ничего не скажет, – пролепетал этот бедный кретин Сан-Антонио.

– Это не основание для того, чтобы скрывать его от меня, – заметила восхитительная дама.

Разве тут не скажешь? Ошибки нет, я нахожусь в высшем свете. Мне нужно было надеть перчатки цвета свежесбитого масла шапокляк.

– Меня зовут Бенвенутто Челлини, – ответил я.

– И что вы хотите?

– Я пришел от Донато.

– Какого Донато?

– Того, который выступает в цирке, – ответил я и стал пунцовым.

Внезапно между глаз у меня появилась складка.

– Я не понимаю.

– Вы слышали о цирке Барнаби? – спросил я, очаровательно улыбаясь.

– У меня имеются большие основания для этого, потому что мой бедный шофер был заколот сегодня ночью именно возле этого бродячего балагана.

Я проглотил слова «бродячий балаган» и продолжал:

– Именно по поводу этой драмы я и пришел. Донато и его друг очень обеспокоены. Они сами не могут непосредственно войти с вами в контакт и поручили мне попросить вас прийти повидать их сегодня вечером после представления на пустыре за площадью.

Видимо, я начал слишком сильно.

Синьора открыла большие, как фонари, глаза.

– Но что вы мне тут рассказываете, месье! – воскликнула она с латинской живостью. – Я ничего не понимаю из того,

что вы мне говорите! Я нахожу ваш визит просто подозрительным.

Вместо того чтобы протестовать, я подошел неслышными шагами к двери, в которую вошел, и резко распахнул ее.

Лакей, сидевший на корточках за дверью, влетел в комнату и растянулся на полу.

Я подобрал его вставные зубы и сунул их ему в руку.

– У тебя может случиться воспаление уха, дружок, так вот: нет ничего более предательского, чем замочная скважина. Если хочешь начать заниматься шпионажем, нужно сперва излечиться от астмы: твоё дыхание слышно даже в Ватикане.

Очень сконфуженный, он ушел.

Синьора, которая присутствовала на этом спектакле, выдала мне улыбку, не лишенную беспокойства.

– А теперь, – сказала она, – может быть, вы объяснитесь? Я пожал плечами.

– Что мне объяснять, синьора? Я только лишь повторил слова моего приятеля Донато. Это скромный человек, и он мне больше ничего не сказал.

Она покачала своей прекрасной золотой шевелюрой. Чем больше я смотрел на эту Офелию, друзья мои, тем больше мне хотелось провести с ней конец недели в укромной гостинице. У нее есть все, чтобы сгладить монотонность воскресенья.

– У меня есть желание сообщить о вас в полицию, – произнесла она, прямо глядя мне в глаза.

– Вам виднее, мадам, – не дрогнув проговорил я.

– Это все, что вы имеете мне сказать? – спросила она.

– По поручению Донато – да. Но со своей стороны я мог бы добавить несколько слов, если вы мне позволите.

– Я вас слушаю.

– Вы самая прекрасная женщина в Италии, синьора, – сказал я, страшно сожалея о том, что я так обезобразил свою прелестную внешность.

Она слегка вздрогнула от негодования.

Я сломался пополам в светском поклоне и вышел.

Лакей, стоящий в конце коридора, посмотрел на меня ледяным взглядом, но все же проводил меня до двери, держась на некотором расстоянии от меня.

Забавный домишко! Демарш, который я только что принял, – это просто идиотство с моей стороны. Ничто не доказывает, что мадам Кабеллабурна связана с Градос. Это просто фантазия моего разгоряченного мозга. Но потом я утешил себя мыслью, что, если она придет в назначенное место, я всегда смогу сделать небольшой сюрприз моему знаменитому коллеге, комиссару Ферна-Брасса. Ну что ж, проживем – увидим.

А пока надо, как говорится на юридическом языке, продолжать дело. Когда часы пробили восемь раз, я нашел Ферна-Брасса в ресторане. Он был здесь хорошо известен, и на него были устремлены все взоры.

– Итак, стрелок! – бросил он мне с акцентом, который я

не собираюсь воспроизводить.

– Итак, большой шеф!

После того, как мы с легкостью поглотили по два «вина-но», мы заказали специальные деликатесы.

– Как ваше следствие? – спросил я.

– А ваше?

– О своем я сообщу завтра утром, так как ожидаю новостей еще сегодня. А как по вашему мнению, кто убил шофера?

– Если вы хотите знать мое личное мнение, то это сделал кто-то из служащих цирка, Сан-Антонио. За этим персоналом никто не следит. А разные преступники, бегущие от закона, нанимаются работать в цирки: это позволяет им переходить границу без особого риска. Я думаю, что это произошло так: шофер ждал свою подружку. Увидев его одного, да к тому же стоящего в тени, один из ваших бродяг решил его потрясти, а чтобы он не рыпался, воткнул ему нож в спину.

– А разве жертва была ограблена?

– Нет, что верно, то верно. Убийцу, несомненно, потревожили. По моему мнению, никто не стал бы так рисковать, не зная ради чего.

– А вы у всех проверили алиби? – небрежно спросил я.

– Да. Но это было не очень просто. Большинство артистов уже легли спать, во всяком случае они так утверждают, и по этой причине ничего не слышали.

– А вы их всех проверили?

– Да, всех.

– И все находились в своих фургонах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.